

Gagarin M. 2002: Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin.

Lipsius J.H. 1905–1915: Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd 1–3. Lpz.

И.Е. Суриков,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

© 2011 г.

СУЛЛА И ЭЛИТЫ (Из новейшей литературы)

Интерес к личности и деятельности Луция Корнелия Суллы по-прежнему очень велик, о чем свидетельствует выход в свет в последние годы целой серии посвященных ему книг¹, не говоря уже о множестве статей². Особое внимание в новейшей литературе привлекает такой важный вопрос, как его отношения с элитами Рима, Италии и провинций. Центральное место среди работ по данной тематике, несомненно, занимает вышедшая в 2007 г. книга Ф. Сантанджело «Сулла, элиты и империя: исследование римской политики в Италии и на греческом Востоке»³. Сантанджело начинает свой труд с рассмотрения процессов, происходивших в римской державе на рубеже II–I вв. до н.э. По мысли автора, фигура «радикально-консервативного» Суллы интересно вписывается в контекст общего кризиса римской имперской стратегии (с. 19). Опираясь на суждения Саллюстия, автор подчеркивает: в то время как вся римская элита оказалась не готовой к роли Рима в качестве мировой державы и утратила сплоченность в ожесточенной борьбе за политическое господство, Сулла выступил как политик нового типа, исключительно динамичный и при этом способный соединять в себе старинные патрицианские доблести с потенциальной готовностью следовать инновационной модели лидерства. Конечно, созданный Саллюстием портрет не может служить бесспорным свидетельством, но с точки зрения общей концепции книги Сантанджело значимо то, что римский писатель подчеркивает важность появления в критические для империи моменты фигур, подобных Сулле: он был не просто умелым военачальником, но и перспективным политическим лидером, способным строить отношения, которые могли принести выгоды как ему самому, так и Риму в целом.

Наиболее опасная угроза консолидации и стабильности империи исходила с Востока (пираты, Митридат, вторжения варварских племен на Балканы). При этом там находилось не адекватное угрозе число магистратов, обладавших империем, – непосредственное участие Рима в делах греческого Востока все еще было недостаточным, если сравнивать его с той ролью, которую Рим играл в Средиземноморье, и с требованиями его империи. Это ставило ряд серьезных вопросов: до какой степени будет готов Рим к прямому участию в делах Востока, как встретит подобный выбор его элита и каков окажется процесс принятия решений в римской внешней политике.

На некоторые из этих вопросов дает ответ *lex de provinciis praetoriis*. Он представляет нам свидетельство нового измерения римских законодательных текстов – концепции, которую, пользуясь современной терминологией, можно назвать «римские интересы». Точная ссылка в законе на римских граждан и союзников, ведших дела на Востоке, отражает часть более широкой проблемы мобильности в рамках империи, особенно мобильности людей из Италии, политического центра империи. Миграции из Италии стали важным аспектом консолидации римского присутствия и управления на Востоке. Возрастающее значение присутствия там итальянцев побудило римскую элиту к пересмотру своей стратегии.

Еще одним важным аспектом кризиса являются негативные стороны римского владычества на Востоке: неограниченное давление сборщиков податей на экономику Малой Азии, содействие им со стороны коррумпированных должностных лиц, пиратство, с которым римляне не могли справиться. В конечном счете римское присутствие серьезно ухудшило положение малоазийских общин и послужило причиной значительной утраты доверия к Риму со стороны местных элит (с. 26).

Начало карьеры Суллы пришлось на эту критическую фазу в истории римского империализма. Он получил провинцию Киликия (Сантанджело принимает мнение тех авторов, которые считают,

¹ Letzner 2000; Brizzi 2002; Christ 2002; Ingrisch 2007; Hinard 2008.

² См. Кополеньков, Смыков 2010, 155–166.

³ Santangelo 2007.

что в данном случае речь идет о провинции как поручении, а не об управляемой наместником территории), причем борьба с пиратами и восстановление Ариобарзана на каппадокийском троне были, в сущности, двумя сторонами одной медали. С римской точки зрения, пресечение агрессивных планов Митридата в то же время могло казаться и способом более эффективно противостоять пиратам⁴.

Как часть стратегии, направленной на стабилизацию политической ситуации в регионе, можно рассматривать и первый контакт с послами парфянского царя. По мнению автора, между двумя сторонами была установлена *amicitia* и, кажется, достигнуто некое соглашение о разделе сфер влияния: Евфрат должен был стать границей между той зоной, которую контролировали римляне и их «друг» Ариобарзан, и территорией под властью парфян и их союзника Тиграна. Нейтралитет парфян имел большое значение в ближайшем будущем, во время общей нестабильности, порожденной I Митридатовой войной (с. 28). Строго говоря, мы не знаем, насколько эта оценка верна и насколько нейтралитет Парфии явился следствием переговоров с Суллой. Во всяком случае следует отметить, что вряд ли можно говорить о разделе зон контроля по Евфрату: во-первых, вдоль этой реки располагались государства, сохранявшие независимость (по крайней мере формально), а до аннексии Помпеем Сирии и переноса границы в непосредственное соседство с парфянской державой оставалось еще около тридцати лет⁵; во-вторых, сложно назвать Тиграна союзником парфян – его политика была достаточно независимой и направленной на укрепление собственной державы. Вспомним те 70 долин, которые он отдал в обмен на свою свободу, или то, как стремительно он расширил свои владения за счет Парфии после смерти Митридата Великого (кстати, именно эта смерть и последовавшие за ней внутренние смуты, а вовсе не договор с Суллой могли стать причиной нейтралитета Парфии во время I Митридатовой войны).

В целом Сантанджело оценивает стратегические результаты миссии Суллы не очень высоко: династический кризис в Каппадокии удалось ликвидировать лишь на время, и вскоре он разгорелся с новой силой, у Суллы же не было в распоряжении достаточно сил для решения стоявших перед ним задач. Но зато он знал теперь ситуацию на греческом Востоке не понаслышке, и значение приобретенного опыта в свете его последующих достижений очевидно.

Новый кризис, разразившийся через несколько лет после отъезда Суллы, поставил римскую гегемонию на Востоке на грань выживания. В годы этой войны, подчеркивает автор, под угрозой было само существование римской державы, и победитель в ней получил бы более чем достаточно оснований для приобретения преобладающего, а то и господствующего положения в римской политике (с. 32).

Митридат, начав войну против Рима, имел целью объединение всей Малой Азии под своей властью – цель, которой никто не ставил и не добивался со времен Александра Македонского. В ходе последующих событий дал о себе знать глубокий кризис в отношениях Рима с местными элитами на Востоке. Элита азиатских городов активно поддержала Митридата, посему перед Римом стояла двойная задача: выиграть войну и затем вновь восстановить конструктивные отношения с теми, кому только что было нанесено поражение. Именно от Суллы ожидали, что он выполнит эту задачу. Для характеристики отношений Суллы с элитой Балканской Греции Сантанджело использует пример Афин, события в которых известны нам довольно хорошо благодаря Посидонию, и Херонеи, о положении в которой мы знаем из Плутарха. На этой стадии борьбы захват Афин представлял собой главную цель Суллы, поскольку это была единственная стратегия, которая могла положить конец всем надеждам на победу Митридата в Греции, а кроме того, обеспечить его войнам первое вознаграждение за счет добычи, захваченной в городе. При этом часть городской элиты решила оказать Сулле поддержку еще в то время, когда в городе оставались прочными позиции сторонников Митридата. Видимо, это связано с тем, что отрицательные стороны римского господства чувствовались здесь меньше, чем в Малой Азии. Поэтому в политическом отношении город не утратил после победы римлян почти ничего, Сулла не играл никакой роли в формировании его послевоенной элиты, и после того, как город был взят и наиболее опасные элементы устранены, не было никакой нужды во вмешательстве в его внутренние дела. При этом финансовые тяготы заставляли афинских городских магистратов искать поддержки и патроната со стороны представителей римской элиты, развивая таким образом

⁴ В данном случае Сантанджело явно переносит на 90-е годы более позднюю ситуацию. Вряд ли можно так прямолинейно связывать борьбу с пиратством и восстановление Ариобарзана на каппадокийском престоле, тем более что стоит помнить два важных обстоятельства: во-первых, источники не сообщают, что Сулле была поручена борьба с пиратами (Pohl 1993, 257); во-вторых, Каппадокия в любом случае не имела выхода к средиземноморскому побережью, и потому неясно, как Митридат, укрепившись в ней, мог содействовать пиратам, чьи базы находились в Киликии?

⁵ На это обстоятельство обращал внимание еще А.Н. Шервин-Уайт. По его мнению, рассуждающие о границе по Евфрату исследователи игнорируют «физический факт» существования империи Тиграна (Sherwin-White 1984, 222–223).

модель, которая сложилась уже во время осады города (с. 33–44). (Заметим, однако, что определенное влияние на формирование послевоенной элиты Афин Сулла все же оказал хотя бы уничтожением сторонников Митридата, принадлежавших к верхушке города.)

Ситуация в Афинах показывает, что политическая история Греции в это время была более сложной, чем может показаться на основании некоторых источников. Война привела к расколу в греческих элитах и изменению их облика, за что ряду общин пришлось заплатить высокую цену. Так, херонеец Дамон, чью историю рассказывает Плутарх, видимо, был не просто вождем банды разбойников, но предводителем настроенной антиримски части местной элиты, а решение вернуть Фивам часть конфискованной у города земли могло быть связано с улучшением отношений местной элиты с римской (с. 46–48).

Заметим, что ситуация, в которой оказались Афины, весьма характерна и для последующего развития событий. Сантанджело отмечает, что Сулла не был заинтересован вести какие-либо переговоры с властями города, поскольку намеревался за его счет вознаградить воинов (с. 40). Идея несомненно верная, однако она заслуживает того, чтобы спроецировать ее и на ситуацию в Италии. В историографии не раз доказывалось, будто в 85–84 гг. Сулла не возражал против соглашения, но неуступчивость циннанцев вынудила его решать вопрос оружием⁶. Между тем следует помнить, что ему опять-таки требовалось щедро наградить воинов, и это обстоятельство (как, впрочем, и другие) толкало его к войне, ибо в случае победы право победителя давало ему куда большие возможности.

Отношения Суллы с элитой Малой Азии освещены источниками полнее всего, правда, при этом значительная часть эпиграфических свидетельств происходит из городов Карики, наиболее лояльной Риму области, в непосредственном контроле над которой он не был заинтересован ни до войны, ни после. Что касается территории провинции Азии, то тут свободу получили лишь немногие города в исключительных случаях, большая часть городов после сулланской реорганизации скорее утратила свою свободу (с. 58). Данные эпиграфики показывают, что представители местной элиты проявили немалый талант в построении выгодных им отношений с представителями римских верхов. Несомненно, правилен тезис о том, что после победы многие ранее автономные города попали под прямой римский контроль; но это только одна сторона дела. Административные преобразования Суллы по-прежнему опирались на города. Слабые города и слабая городская элита могли лишиться империи силы и той сплоченности, в которой она нуждалась (с. 66).

В Италии позиция элиты весьма напоминала то, что можно было наблюдать в Азии: большая часть итальянской верхушки не отличалась лояльностью Риму, и его гегемония на Апеннинском п-ове находилась под угрозой. Правда, лишь часть ее, подобно самнитам, вынашивала планы свержения римского господства, другие мечтали о получении римского гражданства, а в широком смысле – большего доступа к благам империи. Однако в целом «положение итальянской элиты никак нельзя сравнить с положением греческой. Римское присутствие и влияние были для них гораздо привычнее, чем для греков. Их близость к Риму была во всех отношениях намного больше» (с. 67).

Включение итальянцев в политическую жизнь Рима представляло собой сложный процесс, и начал его не Сулла, а его враги, прежде всего Цинна. Вклад диктатора в этот процесс мог бы быть больше, если бы он не отказался от проведения ценза в 81 г., но в любом случае приуменьшать его не приходится. Еще во время Союзнической войны будущий диктатор продемонстрировал способность взаимодействовать с теми итальянскими городами, которые не мешали осуществлению его планов, и даже награждать их. Этот опыт пригодился ему в гражданскую войну, особенно если учесть недостаточность его сил на первом этапе. Когда Сулла высадился в Италии в 83 г., то освободил от портория Брундизий, который не оказал ему сопротивления. Этим он продемонстрировал свою добрую волю в отношении всей Италии (с. 79). Заметим, однако, что, по словам Аппиана (BC. I. 79. 364), освобождение от налога (*ἀτέλεια*)⁷ было даровано позднее (*ὑστερον*), т.е. явно по окончании войны. В то же время интересны наблюдения Сантанджело о последующем экономическом расцвете города, связанном, по его мнению, во многом с отменой портория. На амфорных клеймах, обнаруженных там, среди прочих встречается имя Тарулы – вольноотпущенника Суллы, очевидно, того самого, что упомянут в речи Лепида у Саллюстия (Hist. I. 55. 21). Но главное – налоговые послабления привлекли в Брундизий итальянскую элиту. Конечно, в окрестностях Капуи, в Лации, в Этрурии, где конфликт вступил в решающую фазу, Сулла был куда более суров. Но уже в конце 83 г. многие представители итальянской элиты поняли, на чьей стороне окажется победа, о чем свидетельствует их соглашение с будущим диктатором о сохранении за ними прав гражданства. При этом Сантанджело считает, что

⁶ См. Инар 1997, 212–217; Gabba 1972, 798; Keaveney 2005, 96–104.

⁷ То, что речь шла именно о ввозной пошлине, у Аппиана не сказано, но достаточно убедительно показано в статье Б. Хендерсона (Henderson 1897, 251–257). С.Л. Утченко (1969, 42), явно преувеличивая, пишет об освобождении жителей Брундизия «от каких бы то ни было поборов».

не стоит преувеличивать враждебность Суллы к самнитам, который, скорее всего, не лишал их гражданства; сомневается автор и в разрушении диктатором Сульмона, о котором пишет Флор (с. 73–78). Отметим, однако, что не менее, если не более важным критерием отношения Суллы к самнитам являются беспощадные расправы, которые он устраивал над ними, прежде всего массовые избиения пленных после битв при Сакрипорте и Коллинских воротах. И это при том, что в 83 г., когда его положение было еще достаточно уязвимым, они не только не выступили против него, но и пропустили через свои земли⁸.

Другой неотъемлемой частью политики Суллы стали проскрипции, которые снискали ему репутацию кровавого тирана. Это было новшество, хотя прецедент создало уже объявление Мария, Сулпиция и их товарищей в 88 г. *hostes publici*. Едва ли проскрипции имели целью ограничить число жертв, скорее Сулла имел в виду юридическое оформление для экспроприации и перемещения имущества и для того, чтобы обрушить на своих врагов всю силу *infamia*. То, что частное право оказалось использовано в политических целях, явилось, по мнению ученого, в некоторых отношениях «гениальным ходом». И сограждане сразу же обратили внимание на новизну действий Суллы. Террор обрушился не только на римлян, но и на оппозиционную ему часть италийской верхушки. Сантанджело расценивает проскрипции как «его наиболее очевидный вклад в формирование италийской элиты» (уточним: новой элиты – называть это «вкладом», *contribution*, несколько странно, ибо любые масштабные репрессии неизбежно влекут за собой такие последствия). Как отмечает автор, в муниципиях дело ограничивалось расправами над конкретными лицами, статус самих общин, как в случае с сулланскими колониями, не менялся: об этом свидетельствует пример Ларина. «Несомненно, проскрипции и политическая нормализация на местах являлись двумя сторонами одного процесса» (с. 78–87). Следует иметь в виду, что хотя списки составлялись в Риме и репрессии в Италии осуществлялись посланцами из центра, без определенной поддержки на локальном уровне последнее было бы весьма затруднено. В то же время, как показывает поведение америйцев, вступивших за Росция младшего, завладеть имуществом проскрипта оказывалось не всегда легко. Поэтому Сантанджело прав, называя проскрипции сложным политическим процессом. Круг тех, кто обогатился в результате террора, весьма широк: это нобили Красс, Агенобарб, Катилина, Веррес (возможно, также Лукулл, Помпей, Катул), представители италийской верхушки Оппианик из Ларина, Капитон из Америи, центурионы Лусций, Фуфидий, наконец, вольноотпущенники Хрисогон и, видимо, Тарула. Впоследствии это стало обычным, но Сулла был первым, кто таким образом использовал либертинов.

Итак, «победа Суллы открывала возможность для масштабного перераспределения богатства в римской Италии, что, в свою очередь, вело к перераспределению политического влияния и престижа. Это не просто давало шанс многим нобилим стать еще богаче, чем они уже были. Оказалась также вознаграждена группа “новых людей”, которые сражались на стороне Суллы и после гражданской войны получили свою долю власти. Некоторые из них, подобно Оппианику, заняли видное положение на муниципальном уровне. Другие, подобно богатым вольноотпущенникам Суллы, неожиданно приобрели состояние и вес» (с. 78–99).

В том же ракурсе рассматривает автор и пополнение сената, численность которого была доведена, по его мнению, не до 600, а вероятнее, до 450 членов. Представительство элиты в нем стало более пропорциональным, туда попали некоторые *domi nobiles*. Во время диктатуры сенат не стоял на пути у Суллы, но после его смерти позиция сенаторов как прежних, так и новых изменилась. Что же касается 10 тысяч Корнелиев, то их голоса на выборах Суллу, по всей вероятности, не интересовали, однако они, судя по тексту Аппиана, могли оказать ему поддержку и защиту. Сохранилось посвящение либертинов диктатору, найденное близ Минтурн (CIL X. 6028), города, который в 88 г. оказал поддержку Марию. И если это были действительно вольноотпущенники Суллы, то можно полагать, что не все Корнелии жили в Риме, и в словах Аппиана о них (*κατὰ τὸ ἄστυ* – BC. I. 104. 489) допустимо видеть указание на *ager Romanus* или даже на Лаций как на местопребывание многих из них (с. 96–98).

Здесь напрашивается сравнение между указанной группой либертинов и теми рабами, которых привлек под свои знамена Марий. Если Сулла постарался как-то юридически оформить положение Корнелиев, которые превратились на какое-то время в особую организованную группу, получившую к тому же его имя, то о рабах, пошедших за арпинатом, мы даже не знаем точно, получили ли они свободу де *iure*. Определенной организацией они обладали, но она носила чисто военный характер. И если Цинна предпочел расправиться с ними, то консерватор Сулла в данном случае превратил Корнелиев в одну из своих опор, пусть и далеко не главную.

После получения прав римского гражданства Италия могла разделять выгоды от господства в Средиземноморье, а ее верхушка играть более важную роль в политике. Сулла много сделал для уве-

⁸ См. Salmon 1967, 381–382; Lovano 2002, 116.

личения политической роли итальянской элиты, призвав ее, как и на Востоке, к более тесным связям с элитой римской. «Этому процессу суждено было завершиться только при Августе, однако начался он во времена Суллы. Карательные меры, которые он предпринял против своих врагов, сыграли [в нем] решающую роль» (с. 134). Сантанджело отмечает разительное сходство в поведении локальных элит на греческом Востоке и в Италии. «Некоторые предпочитали присоединиться к Сулле и поддерживали его с самого начала, и их лояльность вознаграждалась. Те же, кто этого не делал и впоследствии нес наказание, включались в процесс, который постепенно давал им возможность добиваться поддержки, а иногда и патроната среди представителей римской элиты» (с. 191). Примеры этого дают события в Этрурии. В Волатеррах и Арреции были произведены разделы земли, но, судя по Цицерону (Att. I. 19. 4), ее оказалось так много, что на всю колонистов не хватило, и прежние *possessores* продолжали ее удерживать. Не случайно возникли трудности с лишением прав жителей обоих городов. Вряд ли такое могло произойти, если бы последние не пользовались поддержкой влиятельных людей в Риме. После смерти Суллы, как известно, феуланцы не только напали на сулланских колонистов, но еще и доказывали незаконность поселения на их землях в сенате (!). Понятно, что и здесь без опоры на представителей римской элиты ничего подобного не произошло бы. Наконец, автор считает вполне вероятным, что в ходе ценза, начавшегося в 70 г., все наказанные Суллой общины были включены в число обладателей гражданских прав (с. 178–182, 188–190). Сантанджело отмечает, что Клузий, еще один этрускский город, активно поддерживавший марианцев, сумел, однако, избежать суровых кар со стороны победителей (с. 150–151), и в этом случае, развивая идею автора, мы тоже можем предположить связи клузийцев с влиятельными людьми в Риме.

Автор прослеживает влияние, оказанное сулланской колонизацией на жизнь итальянских общин, которых она коснулась. Он отмечает, что приход ветеранов-колонистов был знаком не только вознаграждения их за службу, но и поражения враждебных Сулле общин (с. 189). В данном отношении весьма символичен обратный шаг диктатора – роспуск основанной марианцами колонии в Капуе. «Это был, вероятно, наиболее важный пример той “политической войны”, которая, судя по всему, являлась отличительной чертой его поведения в Италии после Союзнической войны. Стратегия Суллы требовала широкого применения насилия, однако она всегда подразумевала наличие ясных политических планов» (с. 136–137). При этом вызывает возражения традиционный для старой историографии тезис о том, что «награждение воинов землей было неизбежным следствием пролетаризации армии, которое стало свершившимся фактом с конца II в. до н.э.» (с. 134). Однако число принятых Марием в армию *capite censi* было невелико, да и нет данных о том, чтобы у них существовала какая-то особая идеология, отличная от представлений основной массы воинов, землю же получали не одни пролетарии, причем инициатива исходила не от них, а от полководцев⁹. Так что о неизбежности и тем более подобном ее обосновании говорить, пожалуй, не приходится.

Что касается основанных диктатором колоний, то лишь в двух случаях мы располагаем археологическими данными: в Пренесте и, конечно, Помпеях. В первом обнаружены следы раздела земли. Произошли изменения в структуре города, были отремонтированы многие общественные здания, в том числе святилище Фортуны Примигении, при этом применялась мозаика (Plin. NH. XXXVI. 189), очень редкая в республиканский период (с. 137–142). То же касается и Помпей, где колонизация повляла не только на сельский, но и городской ландшафт: храм на форуме был реконструирован и посвящен Юпитеру, частично поновлен и храм Аполлона. То же произошло в 60-х годах и со Стабиевыми термами. Колонисты возвели новый театр, меньше прежнего, что не помешало ему стать крупнейшим сооружением в Кампании в эпоху Суллы. Тем самым они «утверждали свое присутствие, обновляя старое публичное пространство и создавая новое» (с. 159–161). Однако социальная обстановка в этих двух городах различалась. Пренесте – единственный известный нам город, где основанию колонии предшествовало истребление жителей (правда, заметим, не всех). К концу 60-х годов *ager Praenestinus* оказался сосредоточен в руках рауси (Cic. Leg. agr. II. 78). Но есть серьезные основания полагать вслед за П. Харви, что среди этих рауси были не только сулланские колонисты, но и уцелевшие представители местной элиты – Сауфеи, Самиарии (с. 144–145). В Помпеях же существовало два рода граждан: колонисты благодаря выгодной для них избирательной системы занимали преобладающее положение, тогда как представители местных фамилий вновь обрели влияние, судя по всему, не ранее 50–40-х годов. В эпоху Августа начинается интеграция, среди магистратов встречаются и люди с оскскими именами, и потомки сулланцев (с. 163–166).

Так или иначе, но в Кампании, несмотря на трения в новых поселениях, колонизация прошла успешно, и диктатор после ухода в «отставку» мог чувствовать себя в безопасности. В Этрурии же она началась позже и натолкнулась на сильное сопротивление. Положение ветеранов там было непростым, они испытывали на себе ненависть итальянцев, им мешали увеличивать собственность

⁹Keaveney 2007, 24–28, 57–63.

за счет не оккупированной земли. Характерно, что в Волатеррах прошли земельные конфискации, но сведений об основании там колонии нет, а в Фезулах вспыхнуло восстание, переросшее в движение Лепида. Сыграли роль и организационные затруднения: из-за плохого знания местных условий ветераны подчас получали, видимо, не самые лучшие земли. Не случайным оказалось их участие в заговоре Катилины, словами о толпившемся вокруг него *colonorum Arretinorum et Faesulanorum exercitus* (Cic. Миг. 49) нельзя с легкостью пренебречь (с. 173–188).

Итогом деятельности Суллы стало усиление роли патроната и клиентелы в жизни провинций. Он создал условия для более тесного сотрудничества между римлянами и провинциалами; проведенные им мероприятия показали, насколько важны связи с римской элитой, а кары, обрушившиеся на непокорных, стали веским аргументом против борьбы с Римом. Когда в Азию прибыли Лукулл и Помпей, они застали иную ситуацию, чем та, что была в начале 80-х годов. О крепнувшем взаимодействии римских властей с местной верхушкой свидетельствует рост значения *κοινον* Азии после Суллы. В период между его победой над Митридатом и битвой при Акции зафиксировано примерно 50 случаев патроната в отношении городов Азии. Тон задавали теперь те, кто выступал за отказ от конфронтации и взаимодействие с Римом. «Маловероятно, что Сулла не предвидел такого результата, когда проводил реорганизацию провинции Азии. В сущности, можно утверждать, что жесткие меры, предпринятые им, отчасти имели целью вынудить провинциальную элиту приступить к более тесному сотрудничеству с римскими властями». Ситуация в Италии была несколько иной – если на Востоке лояльность Сулле означала лояльность Риму, то здесь речь шла о примыкании лишь к одной из *partes* в ходе гражданской войны. «Однако эффект мероприятий, осуществленных Суллой, особенно санкций, примененных им против своих врагов, оказался в обоих случаях очень похожим, и есть серьезные основания предполагать, что Сулла тщательно обдумывал последствия своих решений». Как мы уже видели, представителям многих итальянских городов тоже пришлось добиваться покровительства римской элиты. Автор особо подчеркивает связь между положением в Италии и Азии: если во второй происходили сбои при сборе налогов, в первой начинались финансовые трудности (Cic. De imp. Pomp. 19). Но дело не только в этом. Итальянцы получили права гражданства, и теперь рассчитывать на них в деле финансирования римской армии не приходилось, а потому требовались новые источники. Это подталкивало Рим к новому витку экспансии в Малой Азии, где ситуация тоже оставалась далекой от урегулирования: сохранялось пиратство, да и Митридат не был разгромлен, лишь с победой в III Митридатовой войне и созданием провинции Вифиния-Понт данный этап римской экспансии в Малой Азии завершился, и роль в этом Суллы, подготовившего почву для нового наступления на Востоке, очень велика (с. 11, 62–63, 192–193, 221–227).

Сулле, несмотря на все его реформы и проскрипции, не удалось сделать новую гражданскую войну невозможной. Более того, его пример сыграл решающую роль в дальнейшей истории Рима. Однако вклад его в укрепление римского господства в Италии и Азии и дальнейшее переустройство и возрождении римской державы оказался более важным (с. 229).

Такова концепция автора. В целом она не вызывает возражений. Однако хотелось бы подчеркнуть, что мероприятия Суллы были в общем-то продолжением старинной римской политики *divide et impera*, тем более что ни в Азии, ни в Италии он долгое время не имел перевеса и потому в особенности нуждался в поддержке местной элиты. Еще более логически самоочевидны расправы с непокорными. Тем не менее, конечно, нельзя не признать гибкости политики Суллы, умело сочетавшего репрессии, налаживание личных контактов, политическую и религиозную пропаганду, поощрение верных людей и общин и т.д.

Как минимум, в одном отношении дальнейшие исследования могут внести коррективы в изучение проблемы. Сантанджело, как и большинство других ученых, рассматривает элиты по линии раскола «проримская / антиримская», считая их в общем и целом однородными. Между тем еще за несколько лет до выхода его книги была предпринята попытка показать, что дело обстоит несколько сложнее. К. Маккей в специальной статье обстоятельно рассмотрел известный эпизод с херонейцем Дамоном (Plut. Cim. 1–2. 1)¹⁰. Его выводы таковы. Дамон, несомненно, был представителем антиримски настроенной части херонейской элиты. Учитывая, что возвращение в подвластный римлянам город лица, совершившего нападение на римские войска, является абсолютно неправдоподобным, Маккей предполагает следующий ход событий. Херонея, как и вся Беотия, была очищена от понтийцев войсками легата Кв. Бретия Суры в конце 88 или начале 87 г., и в ней разместились гарнизоны. Однако в дальнейшем, весной 87 г., но еще до прибытия Суллы, когда понтийская армия появилась

¹⁰ Maskay 2000, 91–106. Кстати, Сантанджело подробно излагает эпизод с Дамоном (2007, 45–47), знает он и эту статью. Однако, как кажется, ее значения ученый не оценил. Во всяком случае, излагая херонейское происшествие вполне традиционно, он никак не реагирует на те существенные уточнения, которые вносит К. Маккей.

и в Македонии (или, возможно, еще только пошли слухи о ее прибытии), Дамон предпринял свою антиримскую акцию¹¹. В этом случае члены городского совета, перебитые им, были ставленниками римлян, которые лишь недавно получили или восстановили свою власть в городе.

После неудачной попытки переворота Дамон перешел к своей «разбойничьей» деятельности. Как же в таком случае он вновь оказался в городе? Маккей предполагает, что после вывода Лукуллом гарнизонов из Беотии на соединение с основными силами Суллы херонейцы вновь обрели надежду на успех антиримского выступления и совершили переворот, установив в городе какую-то более демократическую форму правления. Однако это не были те же самые силы, которые представлял Дамон. Хотя его пригласили возвратиться в город (жители которого, учитывая скудность ресурсов, были заинтересованы в использовании того вооруженного отряда, который он возглавлял), ему досталась лишь малозначительная должность гимнасиарха, т.е. город контролировали совсем другие люди. Только когда успех Суллы определился окончательно, проримские силы в Херонее смогли взять реванш, уничтожить Дамона (и, возможно, его сторонников) и окончательно вернуть город под власть Рима, свидетельством чего является размещение в нем римского гарнизона зимой 87/86 г.

Такова в общих чертах предложенная К. Маккеем реконструкция. Она кажется достаточно убедительной, а главное, в статье ставится проблема неоднородности тех сил, которые выступали против римлян (кстати, проримская часть элиты в этом отношении тоже нуждается в тщательном изучении). Обстоятельное исследование проблемы однородности группировок внутри элит, однако, остается делом будущего.

В том же 2000 г. вышла статья Р.Т. Ридли «Ошибка диктатора: бегство Цезаря от Суллы», в которой содержится немало наблюдений по теме отношений Суллы и римской элиты¹². Автор отмечает, что Сулла после своей победы стал вмешиваться в матримониальную жизнь нобилей – Пупий Пизон развелся с вдовой Цинны Аннией, Помпей – с Антистией (а затем женился на падчерице диктатора Эмилиии)¹³, однако Цезарь отказался подчиниться, когда диктатор потребовал от него развода с Корнелией, дочерью Цинны. Ридли склонен принять мнение, согласно которому Сулла хотел таким образом перетянуть Цезаря в свою *factio*, что было для последней весьма ценно, учитывая его знатность и связи с марийцами. Почему же молодой нобиль отказался? Ведь в условиях разгула проскрипций это могло закончиться для него гибелью. Ответа на этот вопрос автор не дает, предполагая, что свою роль могли сыграть и особенности характера Цезаря, и сознание им собственного статуса: уже тогда он был главой своей фамилии. Хотя Сулла не считал его второстепенной фигурой и внес в проскрипционные списки, он позволил ему спастись от немедленного наказания. Молодого человека спасло заступничество влиятельных лиц – весталок, которые помогли ему как фламину десигнату, а также сулланцев Мамерка Лепида и Гая Аврелия Котты, приходившихся Цезарю дальними родственниками. Сыграл свою роль и патрицианский статус, объединявший его с диктатором; к тому же он заболел во время бегства малярией. Затем Цезарь уехал на Восток, где оказался под надзором сулланцев Марка Минуция Терма (его брат прежде служил у марийцев) и Ватии Исаврийского. Но как только диктатор умер, он вернулся в Рим. Надежды Суллы переманить Цезаря в свой лагерь провалились, и в выигрыше от сложившейся ситуации оказался именно последний: много лет спустя он заявит, что Сулла не знал и зов, если сложил с себя власть. Ошибку усугубили и сторонники почившего диктатора, принявшие вскоре Цезаря в коллегию понтификов.

Здесь необходимы некоторые коррективы. Конечно, расправа над Гаем Юлием не позволила бы последнему стать властелином Рима, но вряд ли спасла бы сулланский режим, который при жизни его творца исправно функционировал, а Цезарь служил ему на Востоке. К тому же ошибку совершили скорее те представители элиты, которые заступились за молодого нобилея, Сулла же лишь принял их мнение. Трудно, наконец, согласиться с тем, что будущий диктатор попал в число проскриптов: ни в одном источнике об этом не сообщается (обстоятельство слишком важное, чтобы отменить его лишь как *argumentum e silentio*), ни одного случая вычеркивания из *tabulae* Суллой внесенных туда не известно, а бегство Цезаря в Сабинскую область¹⁴ можно объяснить элементарной осторожностью¹⁵.

¹¹ Очень интересным представляется предположение об отправлении Суры Лукуллом назад в Македонию не столько из-за того, что тот расчищал место для своего главнокомандующего, сколько в силу необходимости концентрации войск в этой провинции для отражения натиска понтийцев с севера (Mackay 2000, 100).

¹² Ridley 2000, 211–229.

¹³ Сюда следует добавить и Мания Ацилия Глабриона, который по приказу Суллы предварительно развелся с Эмилией (*Plut. Sulla*. 33. 3).

¹⁴ См. *Plut. Caes.* 1. 1–7; *Suet. Iul.* 1; 74. 1.

¹⁵ Следует отметить грубую фактическую ошибку Ридли в довольно важном вопросе: он утверждает, будто Метелл Пий и Марк Красс не покидали Италии в середине 80-х годов (с. 228–229), хотя

Интересные наблюдения содержатся в статье итальянского исследователя А. Джардины «Цезарь против Суллы»¹⁶. Когда Сулла вступил в Рим, Цезарь, несмотря на 18-летний возраст, стал уже заметной личностью в силу своего положения: племянник Мария, зять Цинны, не прославленный пока никакими деяниями, но уже назначенный на должность фламينا Юпитера. Оставшись в Риме, он показал тем самым, что готов примкнуть к новому режиму. Однако развестись с женой, как то сделали другие нобили по воле диктатора, Цезарь отказался. Это был первый случай, когда он продемонстрировал, насколько высоко ценит собственную *dignitas*¹⁷, отстаивать которую будет на протяжении всей карьеры. К тому же брак с Корнелией Цезарь заключил по обряду *confarreatio*, что означало его нерасторжимость. Сыграли свою роль, видимо, и устоявшиеся связи с другими *gentes, amici, clientis*¹⁸, которые могли воспринять развод с дочерью недавно погибшего жестокой смертью Цинны как проявление малодушия и жестокости. Нельзя исключить и добрые чувства Цезаря к жене. Джардина, как и Ридли, подчеркивает роль заступничества весталок и видных сулланцев Мамерка Лепида и Гая Котты, рассматривая его в контексте принципа, сформулированного в эпитафии на могиле Суллы: никто не сделал столько добра друзьям и не причинил столько зла врагам. Исследователь не согласен с теми учеными, которые видят в отъезде Цезаря в Азию бегство, ибо последний действовал с согласия Суллы. Как и Ридли, Джардина считает, что диктатор, вняв их уговорам и позволив молодому человеку отбыть в Азию для службы под командованием сулланских военачальников, хотел превратить его в приверженца своей партии, а ради пользы дела Сулла вполне умел сдерживать свою жестокость (Plut. Sulla. 6. 15). При этом он резонно подчеркивает, что цезарианская пропаганда явно преувеличивает остроту конфликта между двумя патрициями. Неясно, как развивалась бы карьера Цезаря, если бы Сулла не отошел от дел и не умер столь скоро, но налицо осторожность, если не двойственность его поведения: с одной стороны, он чтит память Мария, с другой – поддерживал дружественные отношения с сулланцами.

Автор указывает, что в начале гражданской войны 49–45 гг. Помпей воспринимался как «реплика» Суллы, а Цезарь – как второй Марий (скорее как антипод Суллы), причем если вначале речь могла идти о противопоставлении *clementia Caesaris* жестокости его предшественника, то после смерти Помпея в сравнении обоих диктаторов на первое место все больше стало выходить то малопочтенное с точки зрения элиты обстоятельство, что второй, в отличие от первого, отказался сложить власть и посмеялся над Суллой как не знавшим азов – намеки на это Джардина усматривает уже в его знаменитом письме Оппию и Бальбу в марте 49 г. (Cic. Att. IX. 7с. 1), а у Цицерона приводится практически прямое высказывание Цезаря на сей счет (Off. III. 82).

В заключение автор возражает против распространенного в историографии именования деятелей I в. до н.э. наследниками Суллы: так, для Р. Сайма Цезарь – это милосердный Сулла, а для А. Пиганьоля Август – Сулла, не отказавшийся от власти. Но тот же Сайм признавал, что Сулла, в отличие от Цезаря, не хотел править один, что само по себе подразумевает серьезное противоречие, а оценку Пиганьоля, чье сравнение пришлось по вкусу Ж. Каркопино, Джардина даже не опровергает в силу ее очевидной некорректности. От подобной дани историографической традиции исследователь считает за благо отказаться, в чем с ним вполне можно согласиться.

Значительное место отношениям Суллы и элит уделено в диссертации А. Тейна¹⁹. Он отмечает, что в сенате к началу реформ диктатора оставалось примерно 150 человек, и в результате проведенного пополнения его численность достигла приблизительно 450 человек. Саллюстий жаловался, что среди них оказались люди *ex gregariis militibus* (Cat. 37. 6), однако это было лишь следованием старинному принципу, когда в сенат включались самые доблестные воины (ср. его пополнение Фабием Бутеоном после битвы при Каннах). (Речь, очевидно, шла о нескольких центурионах, предварительно возведенных во всадническое достоинство. – *Авт.*) Согласно же Аппиану (BC. I. 100. 468), в состав сената вошло 300 лучших из числа всадников, избранных трибами, по 8–9 от каждой из 35. Среди них могло быть немало представителей итальянской муниципальной элиты. Теперь квесторы попадали в сенат автоматически, не дожидаясь следующего *lectio senatus*. Хотя число их выросло

первый скрывался со своим отрядом в Африке и Лигурии (Plut. Crass. 6. 2; Liv. Per. 84), а второй – в Испании и Африке (Plut. Crass. 4–6). Кроме того, автор называет консула-суффекта 87 г. Л. Корнелия сулланцем (Ridley 2000, 213), даже не упоминая о точке зрения Б. Каца, в соответствии с которой Мерула был избран консулом именно потому, что не относился к числу сулланцев (см. Katz 1979, 164–166).

¹⁶ Giardina 2010, 31–46.

¹⁷ «Достоинство универсальное, не зависящее от политических раскладов» (с. 36).

¹⁸ Думается, что на клиентских связях развод с Корнелией не сказался бы (здесь Джардина следует за рассуждениями М. Йене: Jehne 1997, 15).

¹⁹ Thein 2002.

вдвое, сенат пополнялся в тех же пропорциях за счет ограничения прав трибунов на занятие магистратур, и *lex Cornelia de XX quaestoribus* можно рассматривать как отмену правил, установленных Атиниевым плебисцитом (с. 173). Столь значительное пополнение сената Суллой было, по мнению Тейна, беспрецедентным расширением элиты²⁰, что вызвало недовольство знати, выразившееся в достаточно жесткой чистке рядов этого органа цензорами в 70–69 гг. В то же время, хотя победа Суллы и считалась победой *pobiles*, он не советовался со «старыми» сенаторами о том, кем пополнять курию. Конечно, диктатор пользовался услугами аристократии, но не она одна была его опорой. Ей приходилось мириться с такой ситуацией, поскольку *victoria Sullana* обеспечивала ее положение и авторитет. Кроме того, новые сенаторы были необходимы теперь, в условиях перехода к *patres* судебной власти, для заполнения мест в *quaestiones perpetuae* (с. 196). И когда в 70 г. началась чистка курии от выдвиженцев диктатора (реакция элиты на его политическое наследие), то платой за это стал ее отказ от монополии в судах (с. 175). Что же касается самого наследия, то главным в нем, по мнению автора, было создание нового круга элиты в Риме и Италии, а также новые формы взаимодействия между *plebes* и *principes* (с. 196). Отчужденность провинций от благ новой системы усиливалась чувством сопричастности к ней у тех, кто занимал второстепенное положение, особенно у римского плебса и италийцев. «Рим стал центром территориального государства-гегемона, основой которого являлась Италия» (с. 187).

Хотелось бы внести в суждения Тейна некоторые поправки. Он сам признает, что из курии были удалены и люди достаточно знатные – Лентул Сура, Антоний Гибрида, хотя и оговаривает, что остальные лишились своих мест из-за скромного происхождения (с. 175). Но ясно, что пострадало куда меньше половины протеже диктатора, а потому, думается, удар был нанесен хотя и по наиболее одиозным из них, но не в политическом отношении: Лентул Сура и Антоний Гибрида скомпрометировали себя не столько политической позицией, сколько шокирующим поведением, а потому вполне вероятно, что за то же пострадали и менее знатные сенаторы. Странно также усматривать в отказе от судебной монополии цену чистки сената от низкородных *sullani*: это явно было результатом односторонних действий, ибо в обоих случаях речь шла о наступлении оппозиции на наследие Суллы.

И еще один момент. Тейн повторяет вслед за другими учеными мнение Э. Габбы, что пополнение сената за счет всадников и передача сенаторам судебной власти были эхом реформ Друза (с. 174). Спору нет, Друз вносил подобные предложения, однако о сути таких мероприятий можно спорить, ведь трибун-реформатор исходил из необходимости удовлетворить как сенаторов, так и всадников, перед Суллой же такой задачи не стояло.

Суждения Тейна о сулланских колонистах во многом сходны с наблюдениями и выводами Сантанджело. В италийских городах возникали по два гражданских коллектива – колонистов и прежних граждан, отношения между которыми были далеки от безоблачных. Но если в одних случаях, как в Помпеях, конфликты удавалось улаживать с помощью патронов в Риме, то в Фезулах дошло до восстания, которое переросло в движение Лепида, последний акт гражданской войны 80-х годов. Надпись из Интерамны (CIL IX. 5074) содержит указание на *municipium et colonia*, что обеспечивало административное разделение двух общин и предотвращало господство колонистов над «старыми» гражданами, которые, по мнению автора, не были ущемлены в правах. Морализаторская традиция изображала ветеранов диктатора в неприглядном свете: они-де перенимают формы роскоши и саморепрезентации элиты, свойственные и самому Сулле, прежде всего, конечно, пиры. Речь идет о типичных пороках городской верхушки, а не воинов-селян. Конечно, сельское хозяйство Италии сулланские колонисты не оздоровили, но этого нельзя сказать об италийских муниципиях, поскольку восточная добыча, захват которой так критиковал Саллюстий, помогла возрождению ряда городов Апеннинского п-ова (подробнее этот вопрос рассмотрен у Сантанджело). Конечно, различия между старыми и новыми гражданами, отражавшие «синойкизм» Рима и Италии, оставались, как и различия культурного характера, «однако Сулла пролагал дорогу представлениям Августа о *tota* или *cuncta Italia*. Рим не мог больше рассматриваться как маленький особый город-государство» (с. 170–172).

Думается, Тейн сильно преувеличивает заслуги Суллы в деле унификации Италии. Своей политикой *divide et impera*, при которой одни общины получили привилегии, другие сохранили прежнее положение, а третьи пострадали от террора и лишились немалой части земель, о предвещии *tota Italia* говорить вряд ли верно. Скорее прав М. Ловано, усматривающий параллели в политике Августа с политикой Цинны, а не Суллы²¹.

²⁰ Любопытный контраст с оценкой проскрипций, которые Б. Линке назвал «ужасающим кровопусканием для римского правящего слоя» (Linke 2005, 136).

²¹ См. Lovano 2002, 140.

Как видим, отношения Суллы с элитами изучаются весьма плодотворно, хотя источниковая база осталась прежней. С одной стороны, последнее обстоятельство серьезно ограничивает возможности их интерпретации, но с другой, есть все основания надеяться, что предел этих возможностей отнюдь еще не достигнут.

Литература

- Инар Ф. 1997: Сулла. Ростов-на-Дону.
Короленков А.В., Смыков Е.В. 2010: Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 1, 218–229.
Утченко С.Л. 1969: Древний Рим: События. Люди. Идеи. М.
Brizzi G. 2002: Silla. Roma.
Christ K. 2002: Sulla. Eine römische Karriere. München.
Gabba E. 1972: Mario e Silla // ANRW. I. Bd. 1, 764–805.
Giardina A. 2010: Cesare vs Silla // Cesare: precursore o visionario? Atti del convegno internazionale. Cividale del Friuli, 17–19 settembre 2009 / A cura di G. Urso. Pisa, 31–46.
Henderson B. 1897: The Grant of *immunitas* to Brundisium // CQ. Vol. 11, 251–257.
Hinard F. 2008: SVLLANA VARIA: Aux sources de la première guerre civile romaine. De l'archéologie à l'histoire. P.
Ingrisch F. 2007: Sullas *dictatura rei publicae constituendae* und Caesars *dictatura rei gerendae*. B.
Jehne M. 1997: Caesar. München.
Katz B.R. 1979: The Selection of L. Cornelius Merula // RhM. 122. 2, 162–166.
Keaveney A. 2005: Sulla: the Last Republican. L.–N.Y.
Keaveney A. 2007: The Army in the Roman Revolution. L.–N.Y.
Letzner W. 2000: Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie. Münster.
Linke B. 2005: Die römische Republik von den Gracchen bis Sulla. Darmstadt.
Lovano M. 2002: The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart.
Mackay C.S. 2000: Damon of Chaeronea: The Loyalties of a Boeotian Town during the First Mithridatic War // Klio. 82, 91–106.
Pohl H. 1993: Die römische Politik und die Piraterie im östlichen Mittelmeer von 3. bis zum 1. Jh. v. Chr. B.–N.Y.
Ridley R.T. 2000: The Dictator's Mistake: Caesar's Escape from Sulla // Historia. 49. 2, 211–229.
Salmon E.T. 1967: Samnium and the Samnites. Cambr.
Santangelo F. 2007: Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden–Boston.
Sherwin-White A.N. 1984: Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L.
Thein A.G. 2002: Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal. Diss. Ph.D. Univ. of Pennsylvania.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук, научный редактор
журнала «Новая и новейшая история»

Е.В. Смыков,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного университета

© 2011 г.

M. DE FILIPPI. Dignitas: tra Repubblica e Principato. Bari, 2009. 191 p.

Новая книга известной итальянской исследовательницы-романистки Маризы де Филиппи, профессора римского права Университета Бари, посвящена анализу содержания одного из ключевых латинских правовых понятий – *dignitas*. Уже во Введении автор справедливо подчеркивает, что для понимания слова *dignitas* нужно рассмотреть историю его развития. Правда, она ограничивает свое исследование лишь эпохами Республики и Принципата, к сожалению, не объясняя, чем обусловлены эти рамки. Между тем *dignitas* и связанные с ним категории отнюдь не утратили своего значения и во времена Поздней Римской империи. Так, в шестой книге «Кодекса Феодосия» представлена система позднеримских должностных и сенаторских рангов (названные *dignitates*), четко регламентирован объем привилегий и почестей, предоставляемых на каждой карьерной ступени. Бесспорно, истоки